Галина Беляничева

РАССКАЗ

БЛУЖДАНИЕ ДВУХ ЖЕНЩИН ПО ЦВЕТУЩЕМУ САДУ

Марина Седова вернулась с работы домой. В квартиру она внесла сумку с продуктами, усталость и желание отдохнуть. А встретили ее немытая посуда на кухонных столах, грязные полы и разбросанные по комнатам вещи.

— Да что ж это такое? — с рыданием воскликнула Марина.

Была она полнеющей пятидесятитрехлетней особой в очках, с остатками рыжины в забеленных возрастом коротко стриженых волосах.

Если б Марина на самом деле расплакалась, то обида на домашних протекла бы у нее со слезами, она б успокоилась и смиренно принялась за уборку, как всегда поступала. Но рыданья, прозвучавшие в голосе, не смягчились влагой, а выпарились гневом. И чем дольше смотрела она на беспорядок, тем выше поднимался протест против домашних, свалив-ших на нее всю нудную работу. Возмущение погнало ее вон из дома. Переодевшись и не поев, она ушла в огород и села там под цветущими деревьями.

Участок Седовых крохотным лоскутом врезался в коллективное огородное поле, разработанное жителями за общим двором поселка. Поле это начало закладываться с заселением первого многоквартирного дома. Кто из жильцов сколько смог разработать, столько и занял. При последующих заселениях огородников прибавлялось. Если первые жители выбирали место, то приехавшие позже брали то, что осталось или было брошено другими. С течением лет составилась компактная коллективная усадьба с тесно прилегающими участками, хозяйственными постройками, проволочными и деревянными ограждениями, с кольцом как бы само собой проложившихся дорог.

Устраиваясь прочно и надолго, люди сажали деревья, которые с годами разрослись, поджали овощные грядки и превратили огородное поле в сад.

До нынешней весны этого превращения никто не замечал. Некогда было праздные взгляды по еторонам кидать. За работой следовала работа, знай поспевай управляться. А нынче, когда надобность в трудах на здешних участках отпала и все взгляды на них сделались праздными, люди увидели огород садом, и открытие это их не обрадовало.

У Марины, сидящей под деревьями, обида на домашних прошла, но душа не успокоилась, а наполнилась другими переживаниями, томящими чувством вины, собственной беспомощности и грусти. С краешка заброшенного парника ей открывалось охваченное цветеньем пространство. Почему-то все растения распустились одновременно. Даже сирень раскрыла грозди вместе с черемухой и своим резким запахом перекрывала все остальные. Груши обнесли себя букетами крупных соцветий, пронизанных сердечками молодых листьев. Над вишнями трепетала розовая дымка. Сливы растянули на ветвях ажурные накидки.

Марина не помнила такого обильного цветения в прежние весны. Может, не присматривалась? В эту пору она никогда раньше не сидела в огороде без дела. И сейчас ее руки просили работы, душа маялась, а деревья глядели на нее с удивлением и укором. Ей самой перед ними было стыдно. Они остаются заложниками людского непостоянства. Догадываются ли они об этом? Не оттого ли так буйно цветут? Будто призывают людей опомниться. А может быть, вкладывают в цветение все силы, потому что плодам на них уже не бывать? Не сегодня - завтра они все упадут под ножом бульдозера.

Чтобы совсем уже не сидеть праздно, Марина прогулялась до грядки с луком-батуном и пощипала зеленых перьев. Со своего участка ее увидела и окликнула, зазывая в гости, сердечная приятельница Саша Ройко.

На огород к подруге надо идти через три деляны. В прежние годы, чтоб не подныривать под проволоки и не цеплять платье об острые колючки, Марина ходила в обход, окружною дорогой. Но теперь большинство ограждений между участками было сброшеноб и она без препятствий прошла напрямую. Подружка Саша поджидала ее, выглядывая из-за высокого штабеля досок, сложенных по торцовой стороне участка сбоку от высокой черемухи. Саша была ровесницей Марины, но обходила приятельницу по полноте и рыжине волос, которые она красила в багрянец. На огороде Саша оказалась по той же причине, что и Марина, сбежав передохнуть от забот по многочисленному семейству.

— Сижу тут, смотрю на все и плачу. Так не охота съезжать! — поделилась Саша с подругой.

Разнообразные постройки ройковской усадьбы были уже выдернуты из земли, установлены на сани и готовы к отъезду.

— Когда повезете? — поинтересовалась Марина.

— Завтра, если трактор дадут.

Приятельницы приземлились за штабелем досок лицом к некопаному огороду с рядком, уходящих вдаль фруктовых деревьев.

— Нет у меня надежды на новое место, — говорила Саша. — В прошлое лето у нас там картошка полностью вымокла. Мы ее даже копать не стали. Нынче, я думаю, будет не лучше. А этот огород никогда нас не подводил.

— Я помню, у вас тут трактор по кабину увяз, — сказала Марина.

— Это когда было? В самом начале, как разрабатывать стали, — не захотела вдаваться в воспоминания Саша.

— Там тоже разработаете, землю подымите — снова хорошо станет, — обнадеживала Марина.

— Не на теперешний возраст новое начинать, — посетовала Саша.

— Сыны помогут.

— У них свои дела и хозяйства.

На соседской грядке пришлый мужик ковырял землю, выискивая червей.

— Вон кому повезло — рыбакам. Копайся, где пожелаешь, — глядя на мужика произнесла Марина.

— Надолго ли им эта радость? Скоро и для них тут ничего не останется, — пообещала Саша.

— Это верно, бульдозер все сравняет, — вздохнула Марина. — Через год-другой никто не поверит, что здесь были сады. Одна жизнь затрет другую. И всегда так бывает, а мы то думаем, что новое на пустом месте рождается.

Саша, не любившая отвлеченных разговоров, противоречия ради, возразила:

— Как раз мы сюда на пустое место пришли. Кроме бурьянов, ничего здесь не было.

— А бурьяны, в свою очередь, что-то другое собою прикрыли, от чего потом следов не осталось, — уверяла Марина.

Саша, не слушая ее, размышляла, чем она завтра будет кормить многочисленное семейство? Из старых запасов все приелось и надоело.

— Не знаешь, — оборвала она рассуждения подруги, — где здесь крапива растет? Щей бы зеленых сварить для разнообразия.

Марина обескураженно поглядела из-за очков на подругу, с неохотою возвращаясь с философских тем на бытовые.

— Где-то я видела целые заросли, но у кого — не помню, — неуверенно проговорила она.

— Пойдем, поищем, — поднялась Саша. — Так хочется свежей пищи!

В одном из готовых к отъезду сараев женщины нашли рабочие рукавицы, взяли ведро и направились в глубь сада.

На участке Топорковых горел костерок. Перед отъездом на новое место Нелли Топоркова избавлялась от ненужных вещей. К отправке в огонь в числе других предметов готовился одиночный суконный сапог с дыркой на пятке.

— Барахла много, а выбросить нечего, — пожаловалась Нелли остановившимся перед огнем женщинам. — Была помоложе только так со старьем расправлялась. Чуть что вид потеряло — прямой наводкой летит в помойное ведро. До того, бывало, подберешься, одно выходное в шкафу останется. В огород выйти не в чем. Теперь уже осторожничаю: и то жалко, и то, думаешь, пригодится. По сути, рухлядь плодим. Но что поделаешь, рука не подымается расшуровать и закинуть.

Голос у Нелли высокий, на пронзительных нотах. Сама гладкая, плотно сбитая. Летом, когда в огороде до трусов и лифчика разденется, да если к тому же загорит, становится похожей на очищенную фасолину или бобовое зернышко.

— А мы ничего не выбрасываем, все с собой повезем, — отозвалась Саша. — Я уже изучила, как только что выбросишь, оно тут же понадобится. Ругаешь себя потом, зачем поспешила.

— Ну, нет! — возразила Нелли. — Я пока еще за собой слежу, а погрязнешь в старье, как в дерьме.

Женщины снисходительно промолчали. Нелли была лет на десять моложе их, и они ей прощали незрелость взглядов.

Марина глядела на залитый закатным золотом сад и думала: "Молодость расточительна, старость прижимиста, в средние года крайности сравниваются. А что уравняет расточительность цвета обреченных на гибель деревьев? Прощальная краса или новая жизнь, которая придет им на смену?

— На новом месте снова соседями будем, — поддерживала беседу Саша.

— Еще бы, на один пустырь съезжаем, — усмехнулась Нелли.

— И привезем за собой стройку, — неожиданным образом докончила Марина.

— Это необязательно, — встрепенулась Нелли. — Здесь мы вон сколько лет сидели!

— Сейчас не то время. Сейчас за землею гоняются, а мы ее опять под поселком берем.

— Как будет, так будет, а лично я надеюсь, — отчужденно проговорила Нелли.

"Она не один еще переезд выдержит", — подумала про нее Марина.

— У вас крапива растет? — наконец, приступила к главному Саша, имевшая привычку о самом важном для себя спрашивать как бы вскользь.

— Травы хватает, а крапивы что-то не помню, — раздумчиво произнесла Нелли.

— Сама собой она не вырастет. Ее специально садить надо, — подсказала Саша.

— Тогда точно нет. Из ранней зелени мы только ревенем увлекаемся.

Женщины расстались с Топорковой и по разгороженным делянам пошли дальше. Так они ступили на участок Ладыгиных. Сама Ладыгина была на огороде, накрывала парник широкими, хорошо просушившимися за день попонами. Перед тем как набросить тряпицу на покатый верх полиэтиленовой крыши, Ладыгина встряхивала ее, внимательно изучала изъяны и затем только аккуратненько расправляла по раме. Если ткань, по ее мнению, была недостаточно плотной, на одно и тоже место она набрасывала по две попоны. При этом так сосредоточилась на своем занятии, что подошедших к ней женщин заметила лишь тогда, когда они стали против нее по другую сторону деревянного ящика. Ладыгина вежливости ради оторвалась от рабсты, но вид сохранила занятой, как бы показывая, что на долгие разговоры ей отвлекаться некогда.

По возрасту Ладыгина была чуть старше нагрянувших к ней гостий, но статностью фигуры и выражением самообладания и твердости на аскетичном лице смотрелась выигрышней растолстевших посетительниц. На цветастое платье она накинула чистую голубую куртку из мужской робы, а высветленные красителем волосы стянула белоснежной косынкой. Женщины невольно подтянулись перед ней, как солдаты перед командиром.

— Продолжаете пользоваться? — с одобрением проговорила Саша, имея ввиду устроенный на опустевшем участке парник. Она с любопытством заглянула вовнутрь сквозь полиэтиленовую пленку. Соседская рассада показалась ей сильнее своей, хотя и своя была неплоха. Как ни старайся, всегда найдется человек, который тебя перещеголяет, а у иных получается намного лучше, чем у всех остальных. Марина тоже заглянула сквозь полиэтиленовую пленку и тоже подивилась чужому успеху, но сравнивать со своим не стала, так как не чувствовала за собой огородного дара.

— Да вот решили на старом месте рассаду вырастить. Здесь подручней и ближе. Надеемся до начала стройки успеть, — произнесла Ладыгина тихим, внушающим почтение голосом. — Мы отсюда все почти вывезли, даже землю соскребли и забрали. Только стол да рассадник остались.

— И деревья, - напомнила Марина.

— А что деревья? Им тут так и быть. Чем их теперь возьмешь? — рассуждала Ладыгина. — Вон черемуха как разрослась. На пол-огорода тень набрасывает. Мои мужчины сколько раз собирались ее обкорнать, да рука не подымалась. Ужинали мы под ней. Вечерком, бывало, соберемся с такой приятностью посидим. Родня навестит, сыны со службы нагрянут — все здесь и здесь.

Говоря это, Ладыгина повернулась к могучему, в несколько стволов, но с общей раскидистой кроной дереву. Под ветвями стоял стол, сбитый из крепких досок.

Маринин участок лежал как раз против Ладыгинского с промежутком в один, протянутый поперек, огород, поэтому ей частенько приходилось видеть вечерние ладыгинские застолья. Они и в самом деле были по преимуществу мужскими, с одною лишь женщиной — хозяйкой. Несмотря на многолюдье и шумность, семейство держалось замкнутым на себе кланом, а в нем роднение шло по мужской линии: дядья, братья, сыновья, племянники. Сама Ладыгина, переполненная забот о своих мужчинах, тоже с неохотою заводила внесемейные отношения.

— На новом месте ужинать в саду уже не получится, - посожалела Ладыгина. - Не с руки с кастрюлями в такую даль таскаться. Забыть придется о старой привычке.

Сказав это, Ладыгина будто подвела итог всему, в том числе и своему разговору с женщинами. Саша заторопилась спросить:

— На вашем участке крапива растет?

— Да что вы! - отклонила подобные предположения Ладыгина. - Мои мужчины бурьяна б в огороде не потерпели!

После таких слов женщины в смущении отступили.

На своей деляне путешественниц дожидалась старуха Шипова. Она видела, как женщины разговаривали с Ладыгиной и подумала, что они несут с собой новые вести о строительстве и огороде. Шипова стояла за ограждением, единственным во всем поле и еще не снятым, и женщины, подойдя близко, оставались отделенными от нее проволокой.

Участок Шиповых граничил с Ладыгинским, располагался поперек общего массива и тянулся до середины поля. Он четко разделялся на три части. Первая, наружная, выходила железным забором на спускавшуюся со двора дорогу, служила хозяйственным двором и была заставлена добротными постройками. Вторая часть являлась собственно огородом, как у всех сейчас невозделанным. Третью же, заднюю и самую короткую, занимал густой, разросшийся садик.

Женщин удивило, что у таких предусмотрительных и крепких хозяев, как Шиповы, не видно никаких приготовлений к отъезду. В садочке не выкопан ни один куст смородины, а возле фермы мирно пасутся куры.

— Разве вы не съезжаете? - простодушно спросила Марина. Саша так напрямую расспрашивать бы не стала, а действовала бы наводкой или бы подождала, не выяснится ли что в разговоре. Она оберегала свое достоинство, тем более перед такими скрытными и обособленными людьми, как Шиповы. Марина забывала о дипломатии и зачастую попадала впросак.

Шипова, ожидавшая вестей, сама оказалась перед необходимостью отвечать на вопросы.

— Наш сарай не попал под снос и потому на год его еще оставляют, - с неохотой объяснила она.

Женщинам все стало ясно. У Шиповых, большого и разветвленного семейства, мужских рук на любую работу хватало, причем таких рук, которые управляли разной мудреной техникой и в мгновенье ока могли не то что сарай — дворец с места на место переставить. Командовали же в семействе женщины, и они, видимо, выжидали. Если повезло с сараем, не повезет ли со всем огородом, а если не со всем огородом, то хотя бы с его частью.

Старой Шиповой было около семидесяти лет. На ногах она еще крепко стояла. Только плечи осели да волосы побелели. Даже остатки былой красы на лице удержались. А красива она в молодые годы была чрезвычайно. Под черными, в прямой разлет, бровями два синих с поволокою глаза, как два омута. Красоту ее видели все, а сущность характера представляла загадку. Жизнь она прожила за мужем беспокойным, ухватливым и неуемным человеком. И всегда на переднем плане он да он. Машиной везет, на хребтине прет, в руках тащит. А она позади и молча. Потом он умер. Семья продолжала управляться сильной рукой и богатела. Возникло предположение, а не ходил ли этот безудержный человек под тою же самой рукою?

Поняв, что новых вестей она не получит, а сама может стать предметом расспросов, Шипова сослалась на дела и ушла к ферме. Женщины не успели даже спросить ее о крапиве.

На верхних огородах ковырялась одинокая женская фигура и, как ни странно, занималась тем, что капала землю. Отчетливо выделялся на общем фоне темный, влажный лоскут взрыхленной почвы.

Верхние участки лежали на склоне, примыкая к боковой границе двора. Почти все они начинались небольшими палисадниками, за которыми возвышались сараи, окруженные с боков и тыла фруктовыми посадками, за кудрявыми садочками уходили вниз огородные полоски. Сосед от соседа отделялся только межой. Так установилось с первых лет освоения и выдерживалось затем в традиции. Огород, который в данный момент вскапывали, находился в центре верхнего яруса и принадлежал малосемейной жительнице поселка Надежде Тонких. Единственный сын Надежды, выучившись на стороне, там же укоренился, а муж, хоть и оставался при ней, но был настолько хвор, что огород посещал в редких случаях и то с целью прогулки. Надежда одна хозяйничала на своем участке. Но зачем она сейчас его вскапывала? Неужто и ее деляна не попадает под снос? Женщины направились к ней, чтоб узнать.

Надежда Тонких оправдывала подаренную мужем фамилию и в шестьдесят с лишним лет почти ничего не весила. Втыкая вилы в землю, она вставала на них и повисала всей малою массой тела. Издалека казалось, что она вспархивает, как подраненная птица, и не может взлететь. Таким манером она прошла уже две трети деляны.

— Много вскопали, - оценила ее работу Саша.

— А я не спешу, - засияла глазами Надежда, - как приду, так помаленьку прибавлю.

Она устало оперлась на длинный черенок вил.

— Не думаете, что напрасно? - с осторожностью спросила Марина.

— Думаю, конечно, но не могу себя пересилить.

Надежда прямодушно смотрела на женщин голубыми, неостывающими с возрастом глазами. Ее седые брови пушились, лицо, обожженное первым весенним загаром, пылало зарею, выступавший бульбочкой носик слегка опрощал общую миловидность облика.

— Как не можете пересилить? - допытывалась Марина.

— Не могу от земли отвернуться. Двадцать пять лет ее ворошу. Она ко мне привыкла, я к ней. Как это враз оторвать? Она же зовет!

Марина, пережившая точно такие же чувства, но сумевшая их пересилить, смотрела на Надежду с уважением.

— И сажать будете?

— Посажу, сколько успею.

— А как все разворотят?..

— Пусть. То не мой ответ, то чужой ответ. А покуда земля на мне, я за нее отвечаю.

— Столько труда! Столько пустого труда! - дивилась Марина.

— Кто его знает, пустого ли? Я домой приду, у меня руки гудят-гудят, а на душе тихо-тихо. Значит, я правильно делаю!

— А земля здесь мягкая, не то что у нас внизу, - ковырнула Саша носком в некопаной грядке.

— Еще бы, - подхватила Надежда, - старичок пока в способности был, столько тележек упавшего листа сюда вывез! За четверть-то века мы земельку в пух разделали!

— Я и говорю, что мягкая, - договаривала свою мысль Саша. - По-хорошему, ее б соскрести да на новый участок свезти.

— Кто ее будет соскребать и кто везти? Я что ль? - округлила голубые глаза Надежда. - Мне бы тут до конца додержать, а за новую я и браться не буду. Отошло мое время.

Надежда увидела, что солнце приседает за горизонт, и заволновалась.

— Ой, сейчас темнеть начнет, а я своего старичка еще ужином не кормила. Пойду уже. В потемках что за работа? Завтра, может, до конца докопаю.

Огород у Надежды весь как на ладони и чист, как стеклышко. О крапиве женщины и спрашивать не стали.

Надежда ушла по меже, таща за собою вилы. В коротенькой темной юбке, в розовой кофточке и косынке, прятавшей седину, она напоминала девочку-подростка, если б не сухие и жилистые ноги, носившие тяжести посильнее, чем ее невесомое тело.

— Я, кажется, вспомнила, где есть крапива, - сказала Марина Саше. - Прошлой весной за сараем у Заварских видела целые заросли.

По линии верхнего яруса огородов женщины прошли к дальнему краю, где охваченный белорозовой пеной стоял сад Заварских и зачарованно ждал хозяйку, умершую минувшей осенью.

Подруги поискали за постройками у изгороди, но вместо крапивы нашли молодые кустики чистотела.

— Он, наверно, вытеснил, - сказала про чистотел Саша.

Приятельницам не захотелось больше никуда ходить. Они сели на лавочке в закутке, где любила посиживать умершая хозяйка сада тетя Соня Заварская. Отсюда, с верхнего угла, просматривалась вся территория коллективного поля. В меркнущем свете белое кипение цвета бурлило, грозясь выплеснуться за края жизни.

— Тети Сони не стало и сада не будет, - задумчиво проговорила Саша.

— Сторожить некому, - добавила Марина, помнившая, как старая хозяйка ночевала в саду.

Женщины примолкли, глядя, как сумерки перемешивают краски, сводя их в единый, невыразительный тон.

Похоже, что кроме них двоих никого в саду не осталось. Костерок Топорковых погас, и дым от него развеялся. Рыбаки, накопавши червей, разбрелись. Те из хозяев, у кого тут были дела, до потемок их переделали, а иные из них давно свои участки не навещали.

Женщины сидели, убаюканные угасавшим вечером и покоем. Вдруг из глубины сада повеяло чем-то тревожным, будто ледяная волна пробежала. Сердца женщин заломило, заломило то ли от холода, то ли от страха. Птицы, устроившиеся ночевать на деревьях, переполошенно сорвались с ветвей и стремглав понеслись прочь из сада. Последними встрепанно и сердито со сварливым и недовольным карканьем единичными экземплярами пролетели вороны. Женщины проводили их недоуменными взглядами. Затем им показалось, что за деревьями кто-то ходит. Там плавают тени, и слышится тяжелое и хлопотливое передвиженье. В темноте, будто под Ладыгинской черемухой, вспыхнул яркий огонек. Саша Ройко, хорошо видевшая во тьме, настороженно всмотрелась.

— Что ж там такое? - тихо проговорила она.

— Мужчины Ладыгиной собрались на прощальный ужин, - неосторожно пошутила Марина и тут же осеклась: что-то зловещее в обстановке предостерегало от неуместных шуток.

— Нет, не Ладыгины, - серьезно сказала Саша. - Свет неживой, с зеленью.

Марина присмотрелась, и правда, неживой, как у гнилушек, только сильнее. Просветы между деревьев начало заволакивать не то туманом, не то дымом, все закрывая мутной стеной. Хождение по саду не прекращалось. Из-за деревьев, прямо против сидящих на лавочке женщин, вышла незнакомка в зеленом платье с белыми рукавами, а может, это был сарафан с блузкой, смуглая и чернявая, со скрученными на затылке волосами, с суровым и сумрачным выражением на лице. В руке она держала опущенный книзу дымный факел. Седая коса от него струилась и плелась по земле.

Обнаружив притихшую парочку, незнакомка строго спросила:

— Женщины, что вы так поздно тут?

— Мы садом любуемся, - поспешила объяснить Саша.

— На что он вам? Вы, люди, его бросили.

— Мы не сами. Нас принудили, - оправдывалась Саша. Марина молчала, завороженно глядя на незнакомку, чье зеленое платье сливалось с землей.

— Не мне вас учить, как следует поступать, когда у вас что-нибудь против воли забирают, - холодно молвила незнакомка и чтобы ей больше не мешали, прибавила: — Ступайте, женщины, по домам. О деревьях есть кому позаботиться.

Когда к огородам подъехала машина с охотниками пособирать что еще годилось в хозяйстве, весь сад уже был задернут белою пеленой.

— Что за чертовщина? - выругался, выйдя наружу, мужик. - По одну сторону дороги сплошь туман, по другую - полная ясность. Как специально попрятали.

Он ткнулся было туда, где туман, напоролся на невидимый в белой мгле столб, вскрикнул от боли, вернулся к машине.

— Сматываем отсюда! Ничего тут не наберем!

Светлым и радостным утром весь сад стоял черным, обугленным, как в зимнюю стужу. Странно так заморозок прошел: нигде ничего не задел, только этот сад, на снос предназначенный. У Ладыгиных, к счастью, рассада уцелела — тепло была укутана. У Тонких под прикрытием сарая розовым облачком трепетало одно вишневое деревце. Во всем остальном был сад—и нету. Как груз с души сняли. Неизвестно только, на чью перевесили.

Ноябрь 93 год.